

Платонов Р.С. Моральная универсальность в этике классического утилитаризма (Иеремия Бентам, Джон Стюард Милль). DOI 10.24411/2686-7206-2020-10403 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 45–64.

УДК 1(091):17.01

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10403

Моральная универсальность в этике классического утилитаризма (Иеремия Бентам, Джон Стюард Милль)¹

Роман Сергеевич Платонов

кандидат философских наук, научный сотрудник
Института философии Российской академии наук
г. Москва, Россия.

E-mail: roman-vsegda@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2762-1328

ResearcherID: Q-5288-2016

ScopusID: 57194107394

SPIN-код: 1060-8877

*Статья поступила 17.08.2020, принята к печати 28.09.2020,
доступна online 11.01.2021*

Цель статьи – определить смыслы моральной универсальности в этике классического утилитаризма, установить их различия и связи, показать значение универсальности в утилитаристском методе морального расчета. Так как сама проблема моральной универсальности не ставилась в рамках утилитаризма, то есть не имеет ясной экспликации в каких-либо теоретических положениях, данное исследование проводится посредством контекстуального анализа слов, выражающих общность, таких как *universal, general, absolute, common* и т.п., употребляемых при описании моральных ценностей и правил в ключевых работах И. Бентама и Дж.С. Милля («Введение в основания нравственности и законодательства», «Утилитаризм», «О свободе»). В качестве отправной точки исследования берется общая классификация смысловых различий моральной универсальности, проведенная Р.Г. Апресяном: универсальность как абсолютность, как общераспространенность и как генерализация моральных ценностей и правил. Показывается, что оба философа так или иначе задействовали в своих рассуждениях все три смысла, но концептуально значимыми все три являются только в этике Дж.С. Милля. Абсолютность характеризует первичный принцип (принцип общей полезности) и определяет этику как знание, направленное на поиск моральной истины. Общераспространенность отражает изменчивость моральных ценностей

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта Российского научного фонда (РНФ) «Феномен универсальности в морали», грант № 18-18-00068.

© Платонов Р.С., 2020

и правил, их ограниченность локальным культурным опытом. Генерализация составляет сам метод морального расчета, посредством которого всякий поступок должен быть соотнесен с принципом общей полезности. При этом Дж.С. Милль, в отличие от И. Бентама, не отрицает значимость общераспространенности, дополняя ее «универсальным опытом», то есть опытом человечества как вида. Тем самым моральные ценности и правила раскрываются им не только в аспекте локальности и изменчивости, но и в аспекте фундаментальных навыков взаимодействия людей друг с другом, навыков построения всякой общности. Это же позволяет ему дополнить метод морального расчета генерализацией конкретных правил, не наделяя их статусом абсолютности, но признавая как важную эвристическую составляющую морального развития. Связь трех смыслов универсальности обнаруживается в выражении доминирования абсолютности – как моральной истины, общераспространенности – как признания и генерализации – как включения частного в общее, что в совокупности выражает претензии моральной оценки на приоритет перед любыми иными типами оценок и правил. На основании чего делается вывод, что проблематика универсальности является фундаментальной в разработке метода морального расчета, а также что в этике классического утилитаризма она раскрывается максимально полно.

Ключевые слова: этика, мораль, утилитаризм, универсальность, абсолютность, общераспространенность, универсализуемость, генерализация, И. Бентам, Дж.С. Милль.

В современной исследовательской литературе можно назвать господствующим взгляд на универсальность как специфический признак морали – моральных ценностей и высказываний. Однако в «обширном мировом дискурсе универсальности», как пишет Р.Г. Апресян, нет однозначного понимания этого феномена, его концептуализация варьируется по ряду аспектов: (1) «непререкаемости предъявления моральных ценностей к признанию и практической реализации», то есть абсолютности, что влечет за собой проблему их обоснования или же «беспредпосылочности»; (2) «актуальности для каждого морального агента», – то есть общераспространенности (общезначимости) моральных ценностей, что влечет за собой проблему определения, кого считать моральным агентом, а шире – проблему ограниченности конкретных моральных ценностей конкретным сообществом; (3) независимости моральных ценностей «от предпочтений и интересов», то есть генерализации (универсализуемости), что влечет за собой проблему соотношения частного и общего – поступка в конкретной ситуации и правила (нормы), а также проблему выводимости конкретных правил из общих принципов (Апресян 2014: 56-60). Согласно Р.Г. Апресяну, такая «неоднородность универсальности, по-разному проявляющейся в разных сферах морали», отражает «неоднородность проявлений самой морали», поэтому ее изучение невозможно «вне того или иного теоретического контекста» (Апресян 2016: 87). Руководствуясь этой методологической установкой, мы рассмотрим проблему моральной универсальности на материале этики классического утилитаризма. Моральная философия утилитаризма представляется в данном случае особенно перспективной, так как уже при первых попытках решить задачу осуществления морального расчета Иеремией Бентамом и Джоном С. Миллем затрагиваются темы абсолютно-

сти, общераспространенности и генерализации моральных высказываний и ценностей. Именно вопрос о роли универсальных правил в моральном расчете станет причиной разделения утилитаризма еще в первой половине XX в. на два направления – на утилитаризм правила и утилитаризм действия¹. В свою очередь, Джеймс Урмсон в своей знаменитой статье «Интерпретация моральной философии Дж. С. Милля» покажет, что утилитаризм правила оформляется уже в работах Милля (Urmson 1953). Хотя такая интерпретация регулярно оспаривается (Brink 2013: 84-85; Crisp 1997: 102; Turner 2015: 171-174), но имеет и своих убежденных сторонников (Brandt 1967: 57; Martin 2011: 31; Mondal 2016; Fuchs 2006: 144), при этом спор ведется не о том, корректен ли подобный ретроспективный подход, а о том, к какому из двух направлений отнести этику Милля (этика Бентама всегда интерпретируется как утилитаризм действия). Такое обращение утилитаризма к своим истокам не случайно, оно показывает, что проблематика моральной универсальности образует теоретический каркас утилитаристской этики с самого ее зарождения.

Общая логика концепций Бентама и Милля в обоих случаях понимается одинаково: человек по своей природе стремится к счастью; соответствие его деятельности данному стремлению есть полезность; таким образом, максимизация полезности – это задача деятельности; поскольку деятельность всякого человека осуществляется в обществе, то есть в неизбежной взаимной зависимости блага одного человека от блага другого, то максимизация полезности оказывается и фундаментальным – первичным – моральным принципом, а саму мораль формирует стремление не просто к счастью, а к счастью всего общества². Различие усматривается лишь в подходах к определению правильности конкретного морального действия, т.е. поступка. Бентам полагает исключительным ориентир на полезность – только она дает понимание хорошего и плохого, наполняет моральным смыслом слова «должное», «правильное» (Bentham 2000: 16). Милль же вводит дополнение – в своих расчетах индивиду необходимо ориентироваться также и на выработанные обществом ценности и нормы (вторичные принципы) (Mill 2015b: 137).

Дискуссия между сторонниками утилитаризма правил и утилитаризма действий и их интерпретации идей Бентама и Милля начались и развивались в основном по поводу генерализации (Smart 1967; Harsanyi 1978; Crisp 1997), что было обусловлено самой задачей морального расчета –

¹ Разделение начнется с обоснования Роем Харрордом большей эффективности морального расчета посредством проверки принципом полезности не конкретного действия, а моральных правил (Harrod 1936). Терминологически разделение было закреплено Ричардом Брандтом, хотя сам он не видел принципиальной разницы между этими направлениями (Brandt 1959: 380-396).

² Данную суперцель утилитаризма мы, по примеру Бентама, будем называть «принцип полезности»; это подразумевает и счастье, и то, что это счастье не только индивидуальное, или же, по примеру Милля, «первичный принцип, имея в виду существование «вторичных принципов», то есть моральных правил (Bentham 2000: 14-16; Mill 2015b: 117, 137-138).

установить соответствие поступка (предельно единичного) и первопринципа (предельно общего). Нашей же задачей является как можно более полная репрезентация морально значимых смыслов, выражающих общность; только так мы сможем увидеть все нюансы проблематики моральной универсальности и минимизировать искажения интерпретаций. По этой же причине мы не будем касаться вопроса эффективности самого метода морального расчета и можем даже согласиться как с критическими замечаниями Милля в отношении метода Бентама (чрезмерная сложность предлагаемого расчета), так и с критическими оценками метода уже самого Милля в связи с тем, что ему так и не удалось разработать моральную теорию, в которой принцип полезности непротиворечиво сочетался бы со «вторичными правилами» (Brink 2013: 98-103), а также что обращение к ним не снимает, как хотелось бы Миллю, затруднений морального расчета (Irwin 2009: 411-415). Для решения поставленной задачи будет проведен контекстуальный анализ употребления таких слов, как *universal, general, absolute, common* и т.п., при описании моральных правил, оценок и принципов в ключевых работах Бентама и Милля, на материале которых исследователи чаще всего анализируют их этику («Введение в основания нравственности и законодательства», «Утилитаризм», «О свободе»).

1. Моральная универсальность в работе И. Бентама «Введение в основания нравственности и законодательства». Морально значимый смысл *абсолютности* в рассуждениях Бентама прочитывается прежде всего в его анализе деятельности. Одним из способов различения поступков он называет критерий абсолютности, согласно которому некоторое деяние, а точнее недеяние, может пониматься «абсолютно или относительно / *absolutely or relatively*»¹ (Bentham 2000: 62). Например, мы либо ни при каких условиях не можем ударить человека, либо какого-то человека и когда-то все-таки можем. Хотя Бентам не переходит от поступков к правилам, но в соответствии с такой классификацией любое негативное предписание, то есть запрет поступка, также может быть либо абсолютным, либо относительным. Пара «абсолютно или относительно» используется Бентамом и для характеристики последствий действия по отношению к человеку – касающихся либо «непосредственно» его личности (жизни, здоровья и т.д.), либо вещей, которые нужны для поддержания жизни, здоровья и т.д., способствующих счастью (Bentham 2000: 160). В первом случае речь идет о том, что абсолютно значимо для счастья – абсолютная ценность, во втором – о том, что относительно значимо. На этих примерах видно, что в контексте рассуждений Бентама критерий абсолютности применим и к правилам, и к ценностям, причем такая абсолютность не самодостаточна – она требует столь же абсолютного обоснования. В частности, «абсолютная безнаказанность / *absolute impunity* (точнее, ненаказуемость. – *Р. П.*)» (Bentham 2000: 135) возможна лишь при «абсолютной произвольности действия» (Bentham 2000: 137), т.е. производимого исключительно причиной, не под-

¹ Здесь и далее через косую черту дается обозначение ключевого понятия (понятий) на языке оригинала.

властной человеку (Бентам называет такие причины физическими и приводит пример с рукой, прижатой к предмету, который человек не хотел трогать). Нас не должно смущать, что Бентам говорит об этом в контексте судебной практики, так как согласно логике самого Бентама у морали и законодательства основания одни и те же.

Необходимость обоснования вводит элемент гносеологической проблематики в моральную. Речь может идти о знании причин – если мы абсолютно знаем, что действие абсолютно таково (непроизвольно), то мы можем применить к нему абсолютное правило (непроизвольные действия не подлежат наказанию, видимо, как и одобрению, но такие случаи Бентам не рассматривает); а также и о знании следствий – если мы абсолютно уверены, что при данном наказании данное действие все равно будет выгодно совершить, то мы можем ужесточить наказание¹, то есть оценить действие как более плохое по его последствиям. Собственно, сама задача морального расчета порождена этой необходимостью. Бентам вполне осознает его сложность, отмечая, что «слабый и ограниченный ум обманывается, принимая в соображение только небольшую часть разных родов добра и зла». Но для него это не повод сомневаться в правильности самого подхода, ориентированного полностью на полезность, и он резко заявляет: «...если человек плохо считает, в этом виновата не арифметика, а он сам» (Бентам 1998: 32). Именно при детализации различных аспектов морального расчета у Бентама появляется еще один смысл моральной универсальности, закрепленный, как правило, за термином *universal*.

С помощью этого слова Бентам характеризует оценку поступка в ее связи с мотивом. Впрочем, эта «универсальная» оценка не постоянна – на примере мотива благочестия Бентам замечает, что убийство законного правителя по данному мотиву ранее одобрялось «почти повсеместно / *almost universally*», а теперь наоборот. Однако самоистязания с тем же мотивом никогда не имело подавляющего одобрения или осуждения – «в одном доме» одобряют, «в другом доме» осуждают (Bentham 2000: 90). Таким образом, видно, что под универсальным Бентам имеет в виду общераспространенное, при этом подразумевая и градации: все, почти все, некоторые (как бы это странно ни звучало, ведь получается, что нечто универсальное не исчерпывает универсум). Важный аспект – зависимость оценки от ситуации, а не от мотива, что сказывается и на интерпретации самого мотива, его неспособности составить конкуренцию принципу полезности. В некотором смысле в этом причина изменчивости подобного рода оценок – ситуации меняются, нет какой-либо константы для их определения. Например, Бентам отмечает, что сегодня законность играет большую роль, чем религиозность, законность не основана на религиозности. Бентам описывает ситуацию, прямо противоположную той, что рассматривал в свое время Фома Аквинский, для которого насильственное

¹ Бентам говорит о финансовых махинациях, выгода которых часто покрывает издержки от предусмотренных за них наказаний (Bentham 2000: 143).

свержение власти было приемлемо только по религиозным соображениям. На ситуацию влияет и отношение между моральными субъектами – ваши друзья склонны оценивать вас положительно и оправдывать, враги наоборот (Bentham 2000: 92). Причем независимо от степени общераспространенности оценка все равно претендует на некое доминирование, это та качественная характеристика, которая скрывается за количественной. В данном случае предельная общераспространенность создает иллюзию абсолютности предъявляемых требований и оценок. Показательно и то, что моральные оценки, на динамике распространенности и изменчивости которых делает акцент Бентам, возможны только как обобщенные (универсализованные) уже в смысле их собственной формы. Однако у Бентама можно найти только один случай, когда он говорит именно об универсальности самого высказывания. Все в тех же описаниях условий, при которых проступок не должен сопровождаться наказанием, он указывает на гарантированность адекватной компенсации, называя ее условием «идеальным... в его универсальности / *in the universality given to it*» (Bentham 2000: 135). В целом же ни общераспространенность моральных высказываний, ни обобщенность их формы не находят у Бентама положительного толкования или применения в моральном расчете.

Дополнительно отметим, что слово *universal* используется Бентамом и без какого-либо морального смысла для выражения частоты встречаемости чего-либо, в этом случае его синоним – *frequently* (частый), а антоним – *irregular* (нерегулярный) (Bentham 2000: 132). Так, монотеизм универсален среди «цивилизованных народов» (Bentham 2000: 115); религиозный мотив реже встречается, чем мотив мести, и т.п. Он использует его тогда, когда речь идет о распространенности каких-либо представлений вообще, не связанных с моралью, например о жестком разграничении областей гражданского и уголовного права (Bentham 2000: 224). То же касается и «универсальной юриспруденции» как специфического термина (Bentham 2000: 235). Если в свое время в изложении Самуэля фон Пуфендорфа она представляла собой именно *основы* юриспруденции, то есть фундаментальные понятия и положения юриспруденции как таковой, то Бентам делает акцент на распространенности ряда понятий (власть, право, свобода и т.д.) и схожести их смыслов в разных системах права в разных культурах (нациях) (Loring 2014). Собственно, в тексте Бентама группа употребления слов *universal*, относящаяся именно к описанию «универсальной юриспруденции», вторая по количеству (8 из 17 употреблений) после описания оценок поступка и мотивов. В случаях, когда речь идет о причинении ущерба, «универсальное» оказывается синонимом «публичного», «национального» и противоположно «частному» (Bentham 2000: 215). Иногда универсальное выступает как синоним целого в смысле исчерпанности, так, свою классификацию преступлений Бентам называет то «вся / *whole* система правонарушений», то «карта всеобщей / *universal* преступности» (Bentham 2000: 215-218).

Последнее, на что еще нужно обратить внимание для выявления смыслов универсальности, – это сам метод морального расчета, посред-

ством которого поступок проверяется на соответствие принципу полезности, то есть способ подведения частного под общее и осуществления тем самым **генерализации** (универсализации) как процедуры морального мышления. Особенность заключается в том, что здесь невозможно ориентироваться только на словоупотребление, поскольку речь идет не об элементе метода или значимом понятии, а о методе вообще. Однако некоторые термины помогают понять, что собой представляет генерализация в этике Бентама.

Как уже говорилось, Бентам не допускает никакого посредничества в виде правил между поступком и принципом полезности. Рассмотренный выше случай с произвольностью действия – исключение, возможное только потому, что фактически отрицается само наличие поступка, соответственно, отсутствует задача его обобщения. Изменчивость, локальность и разнородность правил не совместимы с задачей построения строгого научного метода моральной арифметики. Таким образом, весь расчет Бентам ориентирует на принцип полезности – ту самую абсолютно значимую константу. Хотя Бентам и не использует слово «абсолютный» для описания первопринципа, из контекста его рассуждений ясно, что только первопринцип обладает данной характеристикой. А все прочие соображения / *considerations* и предположения / *supposition* могут только более-менее приниматься во внимание, Бентам даже не пытается довести их до полноценных формулировок правил. Например, упоминая абсолютные обязанности / *absolute duties*, он указывает, что нет случаев, когда бы их утверждение исходило из принципа полезности (Bentham 2000: 210), что в системе Бентама автоматически лишает их смысла.

Анализируя текст Бентама, легко обнаружить, что основным понятием для описания соответствия или несоответствия поступка принципу оказывается **тенденция** / *tendency*¹, то есть степень того, насколько данный поступок максимизирует общую полезность или, наоборот, вредит ей. По сути, Бентам не просто включает понятие «тенденция» в метод определения морально правильного поступка, но делает его основой этого метода. Моральное содержание поступка эксплицируется как комбинация тенденций, способствующих и препятствующих достижению всеобщего блага. Поступок морально одобряется, если первое превосходит второе. Так что именно тенденция становится злой / *evil* или доброй / *good* (Mill 2015a: 15-19). При этом Бентам не дает детализации, неких условных таблиц определения тенденции, где сопоставляются все возможные плюсы и минусы, но только указывает, что нужно «суммировать все ценности всех удовольствий, с одной стороны, и всех страданий – с другой» по отношению к каждому человеку, чьи интересы затрагиваются данным поступком (Mill 2015a: 32-33). В результате мы получаем некоторую общую тенденцию / *general tendency* как разницу сумм добрых и злых тенденций (заметим, что для моральной оценки Бентам настойчиво пытается

¹ Слово *tendency* используется им более 100 раз и, в основном, в одном значении.

использовать только критерий количества). Абсолютный ориентир (первопринцип) «одобряет или не одобряет любое действие вообще в соответствии с тенденцией этого действия» (Mill 2015a: 14) (перевод наш. – Р. П.). Именно стремясь определить тенденцию поступка, Бентам переходит к задаче изучения последствий поступка, вычисляя в моральном расчете тенденцию как сумму последствий (Mill 2015a: 61). Тем самым он косвенно признает, что просчитать непосредственно сам поступок невозможно и оценка может быть дана лишь опосредованно – через последствия. Следовательно, генерализация в этике Бентама представляет собой выявление и проверку тенденции, а все консеквенциалистские расчеты являются лишь вспомогательными – важно лишь то, в какую тенденцию resultируются исчисляемые последствия.

Подводя предварительный итог, можем сказать, что анализ текста Бентама выявил три морально значимых смысла универсальности; это абсолютность первопринципа, общераспространенность ценностей и высказываний, генерализация как метод. Концептуально значимы для Бентама только абсолютность и генерализация; последняя осуществляется исключительно на основании первой.

2. Моральная универсальность в работах Дж. С. Милля «Утилитаризм» и «О свободе». Абсолютность в этике Милля также играет ключевую роль, о чем свидетельствует уже введение в «Утилитаризме», которое он начинает с изложения основной методологической проблемы моральной философии: «...отсутствие признанного первого принципа сделало этику не столько руководством, сколько отражением действительных человеческих чувств» (Mill 2015b: 117). Это препятствует решению главной задачи – определению «правильного и неправильного» в поступке (Mill 2015b: 115). Говоря о недостатках существующих моральных теорий, Милль не отказывается от самой установки – составлять «подробные доктрины из первых принципов» (Mill 2015b: 118). Он только подчеркивает, что для этого не требуется строгая выводимость таких доктрин, поскольку не требуется она ни в одной, даже самой точной науке. Милль, как и Бентам, считает, что именно утилитаристский подход обнаруживает настоящий фундаментальный принцип. Данный принцип назван им универсальным – *universal first principle*, а также общим основанием / *common ground*. В то же время он использует выражение «всеобщее принятие / *universal adoption*», говоря, что какое-либо правило принимают все. Таким образом, на первых же страницах «Утилитаризма» смысл универсального раздваивается на характеристику качества (абсолютность) и характеристику количества (общераспространенность). Ведь принцип полезности – это не принцип, который все признали, а принцип, который обращен к каждому и применим в любой ситуации. Впрочем, относительно него можно говорить и о признании / *acknowledged first principle* (Mill 2015b: 117). Очевидно, что, если не вводить различные термины, мы бы имели что-то вроде **универсальный универсальный принцип**, но Милль не замечает этого, ибо в соответствующих местах просто использует синонимы.

Моральный смысл абсолютности хорошо виден в рассуждениях Милля о справедливости. Критикуя «спекулятивные» концепции справедливости, он говорит, что она в них трактовалась как нечто абсолютное, полностью отличное от какой-либо целесообразности / *absolute – generally distinct from every variety of the Expedient* (Mill 2015b: 155), то есть получала статус фундаментального принципа. Справедливость для Милля – это лишь вторичный признак, следовательно, она не может быть абсолютной. Однако сама логика соответствия вторичного первичному, поступка принципу заставляет его говорить о градации, степенях такого соответствия. Отсюда правила справедливости как наиболее эффективно работающие на благополучие человека являются и более абсолютной обязанностью / *more absolute obligation*, то есть более сильными, значимыми, чем прочие (конечно, после проверки, отбора и корректировки с помощью принципа полезности) (Mill 2015b: 172); «более важны, а следовательно, более абсолютны и императивны / *more important, and therefore more absolute and imperative*»; так у Милля появляется оксюморон «более абсолютный», поскольку ни одно правило или класс правил не является *абсолютно абсолютным* «в частных случаях» (Mill 2015b: 177)¹. Отметим, что Милль часто вместо слова «правило» использует слово «стандарт» там, где избегает четких дефиниций и ограничиваться описанием той или иной точности и краткости (Mill 2015b: 174). Согласно Миллю, невозможно создать абсолютное правило / *absolute rule* (Mill 2015a: 110) для определения того, когда «пороки начинают преобладать над благами», при этом он предлагает некоторые «стандарты проверки», «практический принцип»². В итоге у Милля, как и у Бентама, моральная абсолютность оказывается связана с гносеологической: только в такой связке и возможна абсолютность в морали – как моральная истина.

Однако претензия на моральную истину столь же опасна, сколь необходима и сама моральная истина. Обладание ею (реальное или мнимое) проявляется как абсолютная уверенность / *absolute certainty* и становится причиной для отказа принять во внимание иное мнение, то есть абсолютное в данном случае полагается истинным (Mill 2015a: 19). Но, поскольку реальное, а не мнимое обладание моральной истиной, по Миллю, для человека весьма сомнительно, абсолютность в этом значении противопоставляется им ошибочности / *fallibility*, но при этом не приравнивается к безошибочности / *infallibility* (Mill 2015a: 21). Так что в полном смысле ни одно моральное правило и ни одна оценка не могут приниматься за моральную истину – именно приниматься. Можно быть уверенным в правильности своего мнения, но нельзя отказывать другому в возможности иметь мнение, отличное от вашего, каким бы «нечестивым» оно вам

¹ Примечательно, что у Бентама была схожая особенность употребления *universal*.

² Милль говорит об этом в контексте рассуждений о степени централизации власти. Стандартом в данном случае он называет *эффективность* – большую власть надо давать тому, кто может эффективнее ее использовать.

ни казалось. Здесь Милль самым очевидным образом пытается разделить гносеологический и социальный, даже политический, аспекты морали. Он не отрицает абсолютность морального знания, поэтому его нельзя назвать моральным релятивистом. В эссе «О свободе» он прямо говорит, что его цель – защита принципа, который должен «абсолютно управлять отношениями в обществе / *to govern absolutely the dealings of society*», и только необходимость самозащиты допускает ограничение чужой свободы (Mill 2015a: 12, 15). Следует учесть, что этот принцип, по его же словам, «прямо противоположен общей тенденции / *general tendency* существующего мнения и практики» (Mill 2015a: 16). Очевидно, что изменение «общей тенденции» (общей как общераспространенной, доминирующей) не может пониматься иначе, кроме как акт управления, осуществление власти. Но, с другой стороны, Милль подчеркивает, что в истории достаточно примеров, «когда рука закона была использована для того, чтобы искоренить лучших людей и самые благородные доктрины» (Mill 2015a: 25). Поэтому истинность какого-либо суждения не должна превращаться в *infallibility*, что в контексте не моральной теории, а моральной практики лучше переводить уже как «непогрешимость».

В связи с такой гносеологической ограниченностью особенно интересно описание абсолютности, которое дает Милль, смещая акценты с рационального, intersubjectивного, на внерациональное, скрытое в опыте: «...бесконечность и несоизмеримость со всеми другими соображениями, которые составляют различие между чувством правильного и неправильного и чувством обычной целесообразности и нецелесообразности. Эти чувства так сильны, и мы так положительно рассчитываем найти отзывчивое чувство в других (все они одинаково заинтересованы), что должны перерасти в необходимость, и признанная необходимость становится моральной необходимостью, аналогичной физической и часто не уступающей ей в связующей силе» (Mill 2015b: 167). В оригинале обязывающая сила абсолютности даже подчеркивается Миллем двойным выражением должного – *ought and should*. Но при этом – все же чувства, а не знание, смутная необходимость, а не истина. Всегда есть риск подмены или ошибки. **Распространенность** – почти всеобщая иллюзия / *all but universal illusion*» – способствует тому, что правила, сформировавшиеся в результате накопления опыта, предстающие как обычай, традиция, кажутся людям самоочевидными и самооправдывающимися / *self-evident and self-justifying* (Mill 2015a: 9), имея всеобщее признание / *universal recognition* (Mill 2015a: 44). Так Милль уже прямо проговаривает то, что у Бентамы мы могли только вычитать из общего контекста рассуждений – общераспространенность претендует на статус абсолютности. Но у Милля, в отличие от Бентамы, понятно, почему так происходит. Это не просто массовое заблуждение, случайность и т.п.; с одной стороны, моральная истина, которую должны содержать абсолютные принципы, не является результатом рационального реконструирования опыта, а вытекает из самого опыта (она выработана им и, даже не познанная, влияет на наши поступки), с другой стороны, она всегда должна быть принята. Принятие возможно либо посредством обоснования, ее рациональной экспликации

из опыта, что представляет собой крайне сложную задачу, либо посредством привыкания, создающей иллюзию самоочевидности, что не защищает от ошибки. Как следствие люди часто общераспространенное принимают за абсолютное. Возникает соблазн у того, кто знает истину (или думает, что знает) просто навязать ее.

Такое положение дел – тиски универсальности, в которые зажат поступок, один из основных мотивов защиты свободы слова у Милля, о которой он также говорит в категориях универсальности. Суверенитет индивида в отношении его тела и ума абсолютен / *absolute* (Mill 2015a: 13), частью его является и абсолютная свобода мнений / *absolute freedom of opinion* – никто не может требовать, чтобы вы отказались от своего мнения или перестали руководствоваться им в своей личной жизни (Mill 2015a: 17). Но все же в главном обосновании свободы мнений он обращается к универсальности самого принципа полезности. Его аргументация строится таким образом, что происходит разделение на «истину» (абсолютность) и «единодушие мира» (общераспространенность) – с добавлением важного нюанса: «даже если мир прав» (Mill 2015a: 48), то есть даже если абсолютность и общераспространенность какого-либо мнения совпадают. Таким образом, общераспространенность противопоставлена абсолютности и в ситуации, когда она выражает максимально правильную тенденцию и приближается к истине. Доминирование общераспространенности порождает «молчание меньшинства», что отражает саму суть этого вида универсальности, но это не победа истины. Не вдаваясь в подробности, как именно мнение меньшинств, по Миллю, должно способствовать приближению к истине (даже если такое мнение ошибочно), отметим главное – некое правило может быть принято абсолютно всеми, но при этом не быть абсолютным в своем содержании. В свою очередь, именно это положение Милль называет уже в гносеологическом смысле «универсальным фактом», то есть абсолютным, фактом. И этот факт определяет различие абсолютности и общераспространенности в морали. При этом сам Милль не задает данное различие на уровне терминов, снова употребляя «универсальность», «универсальный» для выражения как истинности, так и распространенности. Он как бы не замечает этого в разнообразии контекстов, но все же это проявляется в языке: «единодушие мира» в примере выше – просто метафора. Если бы Милль относился к слову «универсальность» как к термину, он сам объяснил бы разницу между понятиями «универсальность факта», «универсальная истина», «универсальное признание» и т.п. Нам же придется пройти еще чуть дальше в дифференциации смыслов, обратив внимание на особенность сказанного выше об «единодушии» уточнение «если мир прав» означает, что он может быть единодушен и ошибаясь; иначе говоря, подразумевается возможность двух состояний. И мы находим у Милля их описание. Правильному единодушию соответствует **универсальный опыт** / *universal experience* (Mill 2015a: 82) – именно он, согласно Миллю, исключительно и обязательно выражает правоту, приближение к истинной цели. Единство этого опыта соответствует основной гносеологической установке Милля – «закону существования единообразия», определяющей

его взгляд на любые явления (Субботин 2012: 10-11). Собственно, только поэтому и возможен универсальный принцип, представляющий собой результат индуктивного обобщения относительно единообразия такого ряда явлений, как человеческая деятельность. Этот опыт наработан развитием человечества вообще, на него не влияют локальные культурные особенности, превратности истории и проч.; он максимально общий – всеобщий. Он не зависит от того, насколько он изучен, скажем так – эксплицирован, а тем боле учтен, принят большинством. Проблема как раз в том, что повсеместно поведение регулируется и оценивается не на основе универсального опыта; локальные культурно-исторические критерии формируют различные общности, именно ими руководствуется общественность / *public*, что проявляется в «цензуре», которая «без ограничений» вмешивается в личную жизнь / *personal conduct*. У такой цензуры нет правоты опыта, а лишь наличествует тонко замаскированное неприятие общественностью всего, что «отличается от нее самой», то есть того, что не вписывается в локальные критерии. Конечно, мы можем представить себе идеальную общественность, самоидентификация которой полностью ориентирована на эксплицированный со всей возможной точностью универсальный опыт, но в реальности такой еще не бывало, хотя многие на это активно претендуют. Впрочем, Милль не рассматривает здесь тот аспект, что некоторая общественность может самоидентифицировать свой опыт как универсальный и выражающий истину, даже формально приняв принцип полезности, но содержательно определив его по-другому (например: истинная польза и счастье – в спасении души от греха). Для Милля, безусловно, это не имеет смысла, так как никакое другое содержание не может быть подтверждено, в свою очередь, опытом, то есть представлено как знание, полученное индуктивно. Таким образом, вполне возможен вариант единодушия, когда мир неправ. Конкретными его воплощением, по Миллю, является «диктат церкви... моралистов и спекулятивных писателей». Универсальный опыт, за экспликацию которого отвечают настоящие философы, пока явно проигрывает. Милль даже риторически вопрошает: «Когда это общественность беспокоилась об универсальном опыте?» (Mill 2015a: 82). Становится очевидным, что этот опыт универсален в смысле абсолютности, ведь некоторая локальная общность вполне может распространить свои критерии до полного универсума человечества, подчинив себе все другие общности; иначе говоря, ее критерии станут предельно общераспространенными, но не абсолютными.

Этим смысловым нюансам из эссе «О свободе» соответствуют рассуждения и в трактате «Утилитаризм». Говоря о том, что принцип полезности должен стать основанием гармоничного развития человечества, Милль противопоставляет «индивидуальное» и «целое». «Благо целого / *good of the whole*» выступает синонимом «общему благу / *general good*» и сопоставлено с «интересами целого / *interest of the whole*» и «всеобщему счастью / *universal happiness / general happiness*» (Mill 2015b: 137, 175). Слова «целое», «общее», «универсальное» здесь выражают одно и то же – единство; это не просто указание на то, что в распределение благ или состоя-

ние счастья должны быть нумерически включены все – за этой общностью стоит единство опыта и именно опыта видового. Для Милля важно, что в моральный расчет мы вступаем не с нуля, он давно начат – на протяжении всего существования человечества / *past duration of the human species*, то есть в универсальном опыте, происходил имплицитный отбор линий поведения / *line of conduct*. Это один из ключевых моментов его аргументации – люди способны достичь согласия относительно того, что является полезным / *agreement as to what is useful*, потому что видовой опыт объединяет их, в нем действует та самая необходимость (гипотетическое противоположное состояние – невозможность достичь согласия – он называет всеобщей идиотией / *universal idiocy*) (Mill 2015b: 137). Универсальность такого опыта и делает его моральным опытом – в нем всякий человек представлен всякому человеку как часть целого, в этом смысле и часть его самого, другой в этом опыте открывается как значимый в своем стремлении к счастью, тот, с кем можно прийти к согласию, с кем возможен диалог (используя терминологию Канта, можно сказать, что другой открывается как цель, а не только как средство).

Такой теоретический фундамент (абсолютности принципа, универсальности опыта, действующей необходимости принятия другого) заставляет Милля иначе оценить значение вырабатываемых в опыте **правил**. Они для Милля суть не что иное, как промежуточные обобщения / *intermediate generalizations* (Mill 2015b: 137) на пути к моральной истине или общие принципы / *general principles* (Mill 2015a: 33). Так Милль говорит, например, о принципе свободы / *general principle of liberty* (Mill 2015a: 101). Наиболее полно вопрос генерализации раскрывается в одном из примечаний к трактату, где Милль солидаризируется со Спенсером относительно метода как синтеза генерализации и выводимости в определении правильных видов деятельности в целях достижения всеобщего счастья. Милль признает, что Бентам недооценивал именно генерализацию вторичных принципов, которая результирует опыт, отвлекает от набора успешных конкретных поступков их общую форму (Mill 2015b: 175). Генерализованные правила также трансформируются со временем, но для Милля это уже не недостаток, так как в их изменениях отражается отбор оптимальных типов поступка («линий поведения») в достижении максимальной полезности. Можно сказать, что это наделяет их в некоторой степени абсолютностью первопринципа. Звучит странно, но позволим себе такое выражение, раз уж сам Милль говорит о «более или менее абсолютном». То есть генерализация в некоторой степени приближает к абсолютности.

Но ввиду гносеологических затруднений, описанных выше, Милль, как и Бентам, не может обойти понятие «тенденция» и включает его в моральный расчет (Mill 2015b: 137). В основном он использует его в эссе, что не удивительно, поскольку эссе посвящено обоснованию вторичного принципа. Если у Бентама тенденция выражает своего рода моральную реальность поступка, которая и должна быть рационально выявлена, а правила и оценки не представляют интереса для морального расчета,

то согласно Миллю, именно **вторичные принципы** выражают тенденцию. Для иллюстрации он использует пример с ложью: вторичный принцип, или моральное правило, «не лги» – это формализованное в виде императива понимание «тенденции», которая заключается в том, что поступая честно, не обманывая, люди достигают большей полезности для всех. Генерализация также начинается в универсальном опыте, когда соответствующие полезности тенденции постепенно обобщаются в положительных убеждениях / *positive beliefs*. Но полноценная генерализация не может происходить только имплицитно, стихийно, и приоритет остается за философами, за моральной критикой, за рациональной эксплицированной генерализацией. Милль полагает, что философы «даже сейчас по многим вопросам» уже могли бы прийти таким способом к согласию. Философы также принимают и «положительные убеждения» в качестве правил морали / *rules of morality*, пока не преуспеют в поиске лучшего / *until he has succeeded in finding better*. Собственно, этот поиск лучшего и есть суть эксплицированного расчета, так они не только проводят ревизию правил морали, но и создают новые. Правила морали – это все те же промежуточные обобщения, их отличие от «положительных убеждений» двойное: формальное – убеждения могут устаревать и уже не признаваться как правила, генетическое – правила могут быть созданы в результате рационально эксплицированного морального расчета как «предписания практического искусства», тогда они уже следствия принципа полезности / *corollaries from the principle of utility*. В рассуждениях Милля эти два способа генерализации моральных правил тесно связаны, и он не нумерует их как первый или второй, это единый процесс развития видового опыта, чистоты эксплицитной составляющей удалось добиться только утилитаризму. Для нашего исследования важно, что в развитии универсального опыта, как его описывает Милль, обнаруживается два типа генерализации, посредством которых он и оформляется (универсализируется), то есть не только сама мораль является универсальным феноменом, порождаемым универсальным опытом вида, но и динамика морали (возникновение и изменение моральных правил) представляет собой процесс универсализации, когда либо частный поступок (точнее, набор подобных поступков – «линия поведения»), обобщается до правила в результате опыта, либо само правило проверяется на его соответствие первопринципу.

В тенденции обнаруживается вся сложность и запутанность универсалистских смыслов морали. Так, оспаривая мнение, что христианская мораль сосредоточила в себе все моральные истины, Милль утверждает, что само наличие этой морали как эксплицитно и целостно данной в конкретной книге лишь кажущееся. В качестве одного из аргументов он указывает, что ее формирование (как и толкование Библии) всегда проходило под влиянием существовавших в то или иное время «нравов и тенденций» / *character and tendencies*» (Mill 2015a: 48). Далее, рассуждая о развитии общества в целом, он говорит, что общая тенденция вещей / *general tendency of things* состоит в усреднении, упрощении (мнений, личностей и проч.) – «люди теряются в толпе», власть все больше понимается как «власть масс»;

это на самом деле означает, что правительства (политики) делают себя «органом тенденций и инстинктов масс / *organ of the tendencies and instincts of masses*» (Mill 2015a: 65). В одном абзаце Милль использует слово «тенденция» для выражения разных процессов – это и направленность развития, и направленность предпочтений. Последнее, как и в случае рассуждений о христианской морали, можно перевести словом «склонности», однако в данном исследовании это будет только вносить словесную путаницу. В подобном контексте пара «инстинкты и тенденции» дублирует пару «нравы и тенденции» – речь идет о том, что формирование моральных ценностей и норм не является полностью рационально эксплицированным процессом. Притом такая тенденция, очевидно, может соответствовать или не соответствовать неким более фундаментальным «тенденциям внутренних сил» человеческой природы, в согласии с которыми и должен развиваться человек (Mill 2015a: 58-59); это не означает, что сам Милль имеет исчерпывающее понимание того, что представляют собой этот второй тип тенденций, хотя очевидно, что они коррелируют с универсальным опытом. Однако локальный опыт показывает – пока ни одно мнение или обычай не воплощали их полноценно. Появление этого второго типа в рассуждениях Милля отражает именно моральную абсолютность, ибо это уже не просто тенденции поступка, а «тенденции человеческой природы»; в утилитаристской концепции их понимание и поддержание и есть полноценное соответствие принципу полезности. В общем-то основная идея, которая пронизывает любое обоснование этого принципа, заключается в том, что развитие человечества в любом случае направляется этим принципом, эксплицирован он или нет, а достоинством утилитаризма как раз является то, что он позволяет минимизировать на практике отклонения от этого принципа (осуществлять «корректировку тенденций» (Mill 2015a: 66), «улучшение морали» (Mill 2015a: 68)). Иными словами, тенденции природы и провозглашаемых правил и ценностей будут совпадать, насколько это вообще возможно на данном уровне человеческого познания. Но поскольку непосредственный расчет правильности поступка невозможен (или пока невозможен), то именно в понятии «тенденция» скрывается вся неясность того, что же все-таки правильно. Именно в попытке компенсировать эту неясность Милль дополняет моральный расчет вторичными принципами, которые фиксируют «тенденции поступков, познанные в опыте» (Mill 2015b: 137).

Как мы уже упоминали, успешность обновленного Миллем метода морального расчета часто оценивается скептически. Насколько нетривиальной является задача генерализации правил, видно уже по попыткам некоторых представителей утилитаризма правила использовать для ее решения даже теорию игр (Harsanyi 1978: 3-5). Но для нас важно, что в рассуждениях Милля максимально полно оказались представлены смыслы моральной универсальности – в отличие от Бентама он задействует в своей теории три смысла, дополняя метод также генерализацией правил.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что смыслы моральной универсальности – весьма значимые элементы этики классического

утилитаризма. Однако и у Бентама, и у Милля они остаются часто скрытыми из-за однотипности терминов, при этом влияют на общий ход рассуждений и так или иначе учитываются самими философами. Неурегулированность смыслов универсальности ведет иногда к нестыковкам в теории. Например, моральная критика в утилитаризме возможна лишь на основании первопринципа, соответственно, для проверки тенденции применения какого-либо морального правила (в случае метода Милля) нужно сначала соотнести последствия конкретного поступка с первопринципом. Но для того, кто смог это сделать, вторичные принципы уже не нужны, а для того, кто этого сделать не может, вторичные принципы заслонят первичный и станут единственным ориентиром в различении правильного и неправильного. В результате в этике Милля вследствие скрытого столкновения абсолютности и общераспространенности появляются элитаристские элементы – моральной критикой занимаются философы, которым, очевидно, в силу их способности к такой критике не нужны вторичные принципы. Это нас возвращает к образу мудреца в античной этике, чьим поступкам обычный человек не может дать адекватную моральную оценку. В итоге интеллектуальная элита оказывается вне критики. Подобные сложности требуют раскрытия универсалистской структуры морали для построения моральной теории (или исследования морали как феномена, если предполагается, что данная теория ее адекватно раскрывает). Этому способна помочь дифференциация терминов, фиксирующая различие смыслов моральной универсальности. В то же время ошибочно полагать, что эти смыслы полностью различны (в данном случае в рамках классического утилитаризма) и лишь случайно оказываются иногда под общим именем «универсальность». Все три представленных смысла выражают, с одной стороны, общность, целостность, с другой – тесно связанное с этой целостностью доминирование. В абсолютности это доминирование связано с содержанием самой оценки или нормы, в общераспространенности – с признанием ее содержания как значимого, в генерализации – с включением частного в общее. Это дает основание выделить доминирование как родовую характеристику моральной универсальности, различия видов же определяются способами реализации доминирования. Этика классического утилитаризма выстраивается в схеме «абсолютность – генерализация – общераспространенность», в которой моральная истина осуществляет свою претензию на власть. Это особенно остро чувствует Милль, поэтому пытается разделить аспекты знания и практики, полностью переводя вопрос власти в область интеллектуальной борьбы мнений. Мы же, в свою очередь, можем утверждать, что в классическом утилитаризме мораль раскрывается как универсалистская по своей природе, моральная универсальность выражает претензию моральной оценки на доминирование во всех аспектах человеческой деятельности, когда моральные оценки и правила обладают абсолютным приоритетом перед любыми иными типами оценок и правил.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Апресян Р.Г. 2014. Смысл морали // Мораль: разнообразие понятий и смыслов : сб. науч. тр. : к 75-летию акад. А.А. Гусейнова. Москва : Альфа-М. С. 35-63.
- Апресян Р.Г. 2016. Феномен универсальности в этике: формы концептуализации // Вопросы философии. № 8. С. 79-88.
- Бентам И. 1998. Ответы на возражения против принципа полезности // И. Бентам. Введение в основания нравственности и законодательства. Москва : Росспэн. С. 31-34.
- Субботин А.Л. 2012. Джон Стюарт Милль об индукции. Москва : Ин-т философии РАН. 76 с.
- Bentham J. 2000. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Kitchener : Batoche Books. 248 p.
- Brandt R.B. 1967. Some Merits of One Form of Rule Utilitarianism // University of Colorado Studies. Series in Philosophy. Vol. 3. P. 39-65.
- Brandt R.B. 1959. Ethical theory: the problems of normative and critical ethics. Englewood Cliffs (N.J.) : Prentice-Hall. 538 p.
- Brink D.O. 2013. Mill's Progressive Principles. Oxford : Clarendon Press. 307 p.
- Crisp R. 1997. Routledge Philosophy Guidebook to Mill on Utilitarianism. London : Routledge. 232 p.
- Fuchs A. 2006. Mill's Theory of Morally Correct Action // The Blackwell Guide to Mill's Utilitarianism. Oxford : Blackwell. P. 139-158.
- Harrod R.F. 1936. Utilitarianism Revised // Mind. Vol. 45, № 178. P. 137-156.
- Harsanyi J. 1978. Rule Utilitarianism and Decision Theory // Decision Theory and Social Ethics. Dordrecht ; Boston ; London : D. Reidel Publishing Company. P. 3-32.
- Irwin T. 2009. The Development of Ethics. A Historical and Critical Study. Vol. 3. From Kant to Rawls. Oxford : Oxford Univ. Press. 425 p.
- Loring R. 2014. The Role of Universal Jurisprudence in Bentham's Legal Cosmopolitanism // Revue d'études benthamiennes. № 13. URL: <http://journals.openedition.org/etudes-benthamiennes/749> (дата обращения: 10.07.2020).
- Martin R. 2011. Mill's Rule Utilitarianism in Context // John Stuart Mill and the Art of Life. Oxford : Oxford Univ. Press. P. 21-43.
- Mill J.S. 2015a. On Liberty // J.S. Mill. On Liberty, Utilitarianism, and Other Essays. Oxford : Oxford Univ. Press. P. 5-114.
- Mill J.S. 2015b. Utilitarianism // J.S. Mill. On Liberty, Utilitarianism, and Other Essays. Oxford : Oxford Univ. Press. P. 115-180.
- Mondal A.L. 2016. Mill's Critique of Bentham's Utilitarianism // International Journal of Philosophy Study (IJPS). Vol. 4. P. 13-21.
- Smart J.J.C. 1967. Extreme and Restricted Utilitarianism // Theories of Ethics. New York : Cambridge Univ. Press. P. 171-183.
- Turner P.N. 2015. Punishment and Discretion in Mill's Utilitarianism // Utilitas. Vol. 27, № 2. P. 165-178.
- Urmson J.O. 1953. The Interpretation of the Moral Philosophy of J.S. Mill // The Philosophical Quarterly. Vol. 3, № 10. P. 33-39.

Roman S. Platonov,

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: roman-vsegda@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2762-1328

ResearcherID: Q-5288-2016

ScopusID: 57194107394

SPIN-код: 1060-8877

Article received 17.08.2020, accepted 28.09.2020, available online 11.01.2021

Moral Universality in the Ethics of Classical Utilitarianism (Jeremy Bentham, John Stuard Mill)

Abstract. The article sets a goal to define the meanings of moral universality in the ethics of classical utilitarianism, to establish their differences and connections, to show the significance of universality in the utilitarian method of moral calculation. Since the problem of moral universality was not set as part of utilitarianism, i.e. it is not shown in any theoretical provisions, we use the contextual analysis method of the use of words “universal”, “general”, “absolute”, “common” and so on when moral values and rules are describing in the key works of J. Bentham and J.S. Mill (“An Introduction to the Principles of Morals and Legislation”, “Utilitarianism”, “On Liberty”). As a starting point of the research, we take the classification of meaning differences of moral universality (it was done by R.G. Apresyan): universality as absoluteness, as ubiquity, and as generalization of moral values and rules. We show that both philosophers, in one way or another, used all three meanings in their arguments, but all three are conceptually significant only in J.S. Mill’s ethics. Absoluteness characterizes the primary principle (the principle of utility) and defines ethics as knowledge aimed at the search for moral truth. Ubiquity reflects the variability of moral values and rules and the fact that local cultural experience limits them. Generalization is a method of moral calculation whereby every action must be correlated with the principle of utility. At the same time, J.S. Mill, in contrast to J. Bentham, does not deny the importance of generality and complements it with “universal experience”, i.e. the experience of humanity as a species. Thus, he reveals moral values and rules not only in the aspect of locality and variability, but also in the aspect of fundamental skills of interaction of people with each other, skills of building any community. It also allows him to supplement the method of moral calculation with generalizing concrete rules without giving them the status of absoluteness, he accepts them as an important heuristic component of moral development. The connection of the three meanings of universality is found in the expression of dominance: absoluteness as moral truth, ubiquity as recognition, generalization as inclusion of the particular in the general, all of it express the claims of moral evaluation to priority over any other types of evaluations and rules. It is concluded that the problem of universality is fundamental for the development of the method of moral calculation, and that it is revealed as fully as possible in the ethics of classical utilitarianism.

Keywords: ethics; morality; utilitarianism; universality; absoluteness; ubiquity; universalizability; generalization; J. Bentham; J.S. Mill.

For citation: Platonov R.S. *Moral'naya universal'nost' v etike klassicheskogo utilitarizma (Jeremiya Bentam, Dzhon Styuard Mill)* [Moral universality in the ethics of classical

utilitarianism (Jeremy Bentham, John Stuard Mill)], *Antinomii=Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 45–64. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10403. (in Russ.).

The paper has been developed within the research project “The Phenomenon of Moral Universality,” supported by the Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00068.

References

Apressyan R.G. *Fenomen universal'nosti v etike: formy kontseptualizatsii* [The Phenomenon of Universality in Ethics: Forms of Conceptualization], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 8, pp. 79–88. (in Russ.).

Apressyan R.G. *Smysl morali* [Meaning of Morality], *Moral': raznoobrazie ponyatiy i smyslov : sb. nauch. tr. : k 75-letiyu akad. A.A. Guseynova*, Moscow, Al'fa-M, 2014, pp. 35–63. (in Russ.).

Bentam J. *Otvety na vozrazheniya protiv printsipa poleznosti* [Responses to Objections to The Utility Principle], *I. Bentam. Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva*, Moscow, Rosspen, 1998, pp. 31–34. (in Russ.).

Bentham J. *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*, Kitchener, Batoche Books, 2000, 248 p.

Brandt R.B. *Ethical theory: the problems of normative and critical ethics*, Englewood Cliffs (N.J.), Prentice-Hall, 1959, 538 p.

Brandt R.B. Some Merits of One Form of Rule Utilitarianism, *University of Colorado Studies. Series in Philosophy*, 1967, vol. 3, pp. 39–65.

Brink D.O. *Mill's Progressive Principles*, Oxford, Clarendon Press, 2013, 307 p.

Crisp R. *Routledge Philosophy Guidebook to Mill on Utilitarianism*, London, Routledge, 1997, 232 p.

Fuchs A. Mill's Theory of Morally Correct Action, *The Blackwell Guide to Mill's Utilitarianism*, Oxford, Blackwell, 2006, pp. 139–158.

Harrod R.F. Utilitarianism Revised, *Mind*, 1936, vol. 45, no. 178, pp. 137–156.

Harsanyi J. Rule Utilitarianism and Decision Theory, *Decision Theory and Social Ethics*, Dordrecht, Boston, London, D. Reidel Publishing Company, 1978, pp. 3–32.

Irwin T. *The Development of Ethics. A Historical and Critical Study. Vol. 3. From Kant to Rawls*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2009, 425 p.

Loring R. The Role of Universal Jurisprudence in Bentham's Legal Cosmopolitanism, *Revue d'études benthamiennes*, 2014, no. 13, available at: <http://journals.openedition.org/etudes-benthamiennes/749> (accessed July 10, 2020).

Martin R. Mill's Rule Utilitarianism in Context, *John Stuart Mill and the Art of Life*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2011, pp. 21–43.

Mill J.S. On Liberty, *J.S. Mill. On Liberty, Utilitarianism, and Other Essays*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2015, pp. 5–114.

Mill J.S. Utilitarianism, *J.S. Mill. On Liberty, Utilitarianism, and Other Essays*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2015, pp. 115–180.

Mondal A.L. Mill's Critique of Bentham's Utilitarianism, *International Journal of Philosophy Study (IJPS)*, 2016, vol. 4, pp. 13–21.

Smart J.J.C. Extreme and Restricted Utilitarianism, *Theories of Ethics*, New York, Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 171-183.

Subbotin A.L. *Dzhon Styuart Mill' ob induksii* [J.S. Mill on Induction], Moscow, Institut filosofii RAN, 2012, 76 p. (in Russ.).

Turner P.N. Punishment and Discretion in Mill's Utilitarianism, *Utilitas*, 2015, vol. 27, no. 2, pp. 165-178.

Urmson J.O. The Interpretation of the Moral Philosophy of J.S. Mill, *The Philosophical Quarterly*, 1953, vol. 3, no. 10, pp. 33-39.